

Ф. Шиллер

**Собрание сочинений в 7
ТОМАХ**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
Ш58

Шиллер Ф.И.
Ш58 Собрание сочинений в 7 томах: Том 7 / Ф. Шиллер – М.: Книга по Требованию, 2023. – 787 с.

ISBN 978-5-458-68180-3

ШИЛЛЕР (Schiller) Фридрих фон (полное имя Иоганн Кристоф Фридрих) (10 ноября 1759, Марбах на Неккаре — 9 мая 1805, Веймар), немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения. Содержание: ПИСЬМА ШИЛЛЕРА Письма Шиллера. Р. Самарин Комментарии. Я. Славятинский Летопись жизни и творчества Фридриха Шиллера. Л. Лозинская Алфавитный указатель произведений Фридриха Шиллера, включенных в 1-7 тт. Собрания сочинений Алфавитный указатель адресатов

ISBN 978-5-458-68180-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

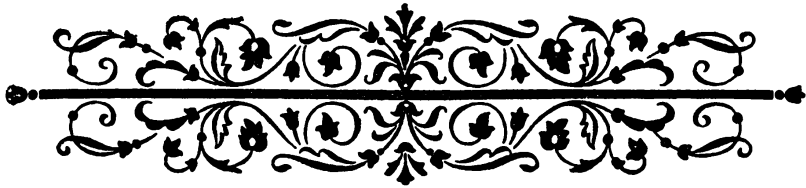
Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМА

1. ФРИДРИХУ ШАРФЕНШТЕЙНУ

[Штутгарт, лето 1777 г.]

Я не обошелся с тобой дурно, и ты напрасно обвиняешь меня в злосердечии. Мое сердце чисто, радостно, твоя записка не повергла его в смущение, я не покрылся краской стыда, не заплакал, не затрепетал, ибо оно чисто, нет в нем ни фальши, ни обмана, и потому у меня найдутся разумные, серьезные, искренние слова.

Да, верно, я слишком превознес тебя в своих стихах! Верно! Бесспорно верно! Сангир, которого я так люблю, жил только в моем сердце. Одному богу известно, как он зародился в нем; но жил он только в моем сердце, и я обожал его в тебе, его несхожем подобии! Господь не покарает меня за это, ибо я заблуждался только из любви — не из сумасбродства, не из криводушия! Видит бог, подле тебя я забывал обо всем, обо всех! Подле тебя я расцветал, ибо гордился твоей дружбой; но я хотел возвыситься ею не в глазах человечества, а перед горними силами, к которым так рвалось мое сердце, чей голос, казалось, говорил мне: вот единственный, кого ты вправе любить. Я расцветал в твоём присутствии, и все же никогда не был больше принижен, чем в минуты, когда я смотрел на тебя, слышал твои речи, видел, как ты чувствуешь то, чего не могли выразить твои уста; в эти мгновенья я казался себе таким маленьким, как никогда и нигде, я возносил мольбы господу, чтобы он сделал меня равным тебе! Шарфенштейн! Он с нами, он все слышит и покарает меня, если это не так! Но это так, видит бог, это так.

Ты без труда вспомнишь, как в предвкушении этих блаженных времен я дышал только дружбой, как все, все, даже мои стихи, одушевлялось чувством дружбы. Господь да простит тебя, если ты можешь столь низко и неблагодарно, столь ложно судить обо всем.

А что скрепляло нашу дружбу? Кóрысть? (Я говорю здесь о себе, ибо, видит бог, в тебе я не умею до конца разобраться.) Или легкомыслие? сумасбродство? Были то низкие, земные или — высокие, бессмертные божественные узы? Ответ мне! Ответ! О, дружба, подобная нашей, могла бы длиться вечно! Ответ мне! Ответ искренне! Где бы ты мог сыскать другого, кто бы так одинаково с тобою чувствовал, как тогда, в тихую звездную ночь у моего окна или на той вечерней прогулке, когда мы взорами говорили друг с другом! Перебери всех, всех вокруг себя, где найдешь ты такого, как твой Шиллер, где, среди тысяч, найду я того, кто стал бы мне тем, кем ты мог стать! Верь, верь мне всей душой, каждый из нас был подобием другого; верь мне, отсвет небес мог бы пасть на нашу дружбу, она выросла бы на прекрасной, плодородной почве; нам обоим она не предвещала ничего, кроме рая. Пусть бы один из нас десять раз умер, смерть не отняла бы у нас ни часа... Какая то могла быть дружба!.. И вот! вот!.. как это случилось? как зашло так далеко?

Да, я стал холоден!.. Знает бог... я остался Селимом, а Сангира не стало! Потому я и стал холоден,— но пойми меня правильно,— холоден в ваших глазах! Тревога, порывы моей души, долго, долго бросавшие меня из стороны в сторону, улеглись, я обрел покой, способность чувствовать, могучую опору, и вот стал холоден к тебе.

Но почему — я знаю, ты это спросишь,— почему ты стал холоднее? Послушай, Шарфенштейн, господь властвует над нами, господь слышит меня и тебя, господь рассудит нас! Неужели ты думаешь, все это было хвастовство, фантазерство и я избрал тебя для того, чтоб мне было о ком болтать в моих стихах? Слушай, несчастный, пусть взор твой навеки останется обращенным к земле, если в тебе еще раз шевельнется эта постыдная мысль; а ты ведь высказал ее в своей записке.

Помнишь ли ты еще о нашей первой встрече? Что это за нелепая болтовня о «добром утре»? Разве ты с первых же минут не узнал меня совсем с другой стороны? Право же, если в тебе еще осталось что-то от дружбы, в которой мы поклялись, то это могло бы служить доказательством, что ты отличал меня среди прочих приятелей, ибо я думаю то же самое о пустых словах приветствия.

Но вернемся к главному! Почему я стал холоден? Потому что я любил тебя, потому что я был тебе другом и видел... что ты мне не платишь тем же... Не поражает ли тебя эта мысль: ты мне не был другом! Тебе следовало бы уважать меня, как я тебя уважал; чтобы быть другом друга, надо уважать в нем качества, делающие его достойным уважения, но, но... да не поразит это твое сердце ударом грома — ты ни во что меня не ставил, ты проглядел во мне качества, присутствующие другу, потешался надо мною, высмеивал мои недостатки, которые каждый день заставляют меня страдать и раскаиваться. Ты молчал, когда долг дружбы требовал, чтобы ты любовно и спокойно мне их разъяснил, и только в гневе попрекал меня — стыдно! стыдно! позорное поведение! — Что ж это было? Дружба, обман или притворство? Ты видишь, я нагромоздил жалобу на жалобу; но я за все отвечаю, я приведу тебе все доказательства, лишь бы ты себе уяснил, как мало уважения и любви ты питал ко мне, сколь мелочным считал мое сердце! А раз так, мог ли ты быть мне другом? Мог ли ты любить того, в ком было столько смешного? Или ты не хотел произнести слово «дружба»? Или ты и впрямь намеревался исправить меня? Ах! Стыдно тебе, обманутый, слепой провидец людских душ: не тем путем управляют души!.. Так за дело не берутся.

Ты меня ни во что не ставил. Как часто (но лишь когда ты впадал в ярость, — в другое время ты высказывал притворное уважение и восхищение), как часто, как часто доводилось мне слышать от тебя и Буажоля — о, как горько, как обидно! — что вся моя сущность вымышленная, а чувства мои — показательные чувства. И еще, будто бог, религия, дружба для меня только плод фантазии, короче, что я представляю себе их как поэт, а не как христианин, не как друг. Горе,

горе! Как это ранило мое сердце, а вы это говорили, бог, всеведущий бог, тому свидетель, говорили, да еще с ханжеским видом, с напускной серьезностью. О горе, горе! Как больно мне это слышать от вас! — от тебя!

Вспомни, что ты говорил, когда мне не нравилась какая-нибудь книга, стихотворение и тому подобное, например «Аминта» Клейста. «Правда, в них нет истинного взлета (но ты это говорил только в гневе, в другое время ты предпочитал молчать), нет образов, но зато чувства, совсем другие чувства, чем в твоих стихах, где они заботливо написаны кистью; надо, мол, иметь сердце и т. д.». Да, так ты говорил. А теперь загляни в свою душу, мой Шарфенштейн,— смотри: мне больше не сдержатъ этого возгласа,— смотри на небо пристально, упорно, туда, куда только и должен был устремляться взор нашей дружбы, смотри и спрашивай себя: «Был ли я прав; от чистого ли сердца я избрал в друзья того, кому недостает самого главного в дружбе — теплого сердца, чьи чувства сосредоточены лишь на кончике пера или отложились в памяти после чтения Клопштока?» О, бог да простит тебя за то, что ты так погрешил против своего Селима. Правда, я многим обязан Клопштоку, но я глубоко воспринял его, он сроднился с моими чувствами, вошел в мою плоть и кровь. Это так, он утешит меня в мой последний час.

Далее. Ты потешался над моими пороками! Ты знал, как я самолюбив. Господи-боже, я признаю этот порок одним из самых постыдных, я тщусь выкорчевать его из сердца; господи боже ты мой, я сознаюсь в нем, я в нем каюсь! А ты знал, как я самолюбив,— и теперь пред лицом господина дозволяю тебе сказать: ты над этим потешался. Ты, друг, стыдил меня перед людьми, ты, который с глазу на глаз молчал, тайлся! Как часто — я упоминаю об этом лишь между прочим — ты пылко восторгался моими стихами, как часто до небес перевозносил мой дух, как часто, когда мы вдвоем сидели на моей кровати, ты изумленно выслушивал мои нелепые самовосхваления и молчал. Можно было подумать, что в гневе тебя случайно прорвало или кто-то напештал все это на ухо Буажолю. Ты не порицал меня даже за

то, что заслуживало всяческого порицания. Уж не хотел ли ты потешить мое самолюбие? Прочь, я стыжусь, что был другом такого человека! Помнишь ли ты еще, как мы среди многих других стояли у постели Гебеля и ты попросил меня помериться с тобою ростом (р. *ragenthèse*¹ должен тебе сказать, что мне и это не понравилось; ты видел, должен был видеть, с какою болью, с какою неохотой я на это согласился; у меня тогда была какая-то неприятность дома, а ты не в первый раз требовал от меня — безо всякой нужды — того, что мне не хотелось делать). Ну что ж, я стал мериться с тобой, и ты перед посторонними людьми со злобной усмешкой процедил: «Он вырос телом и духом!», и тут же, обернувшись ко мне: «Здоровенный детина!» О, неужели ты не заметил, как я тогда покраснел, и ничего еще не заметил? Ты выставил на посмеяние мое самолюбие, и я стоял, господь знает, с каким чувством, меня уязвлял мой великий порок. Но эта издевка, этот миг... от тебя... на глазах у всех... О, я не мог плакать, мне пришлось отвернуться; лучше смерть, чем еще одно такое мгновение из-за тебя!.. Да не прожжет эта слеза твоей души! Ты еще сказал одному из друзей: скоро он будет стоять рядом со мной в шеренге. Прости мне, Шарф, если в это мгновение я молил бога о противном, а бывали ведь минуты, когда единственной моей мечтой было стоять с тобою рядом! Слушай, Шарфенштейн, господь знает про то, господь меня слышит и господь да рассудит нас, если я говорю неискренне. Я не стал бы мучить тебя, но я должен облегчить свое сердце! Хочу еще только сказать, как мучительно мне было, когда оказалось, что ты так привержен Грубу. Ты знаешь, ты мог и должен был знать, почему я ни во что не ставлю этого человека: у него злое и мелочное сердце! И он стал твоим другом? Человек, от которого отворачиваются многие мои товарищи, стоит подле того, кто хочет быть для меня единственным? Мой единственный друг идет бок о бок с ненавистным мне человеком? Из всего этого ты видишь, что в моем сердце нет лжи, как ты полагал! Я выбрал тебя

¹ Кстати (*фр.*).

в друзья, потому что ты умнее, опытнее, положительнее меня, потому что ты единственный, кто вплотную приблизился к моим сокровенным чувствам, потому что у меня, кроме тебя, нет друга! Я все это сказал тебе в час заключения дружбы! Оправдал ли ты мои надежды, понял ли ты мои слова? Шарф, господь пребывает с нами, он все видит! Да рассудит он нас с тобою.

Ну, а теперь я хочу закончить письмо. Я не чувствую себя покинутым. Видишь ли, я открыл источник живительный и благословенный, нашел истинно, истинно прекрасного друга, и потому я прощаю тебя — прощаю — прощаю, — и пусть господь так же простит меня при моем последнем, предсмертном содрогании; все прощаю тебе, готов всегда делать тебе добро, но мне еще долго придется отворачивать лицо от моего Шарфенштейна, чтобы скрыть слезы! Еще раз повторю: я прощаю тебя; я только что читал в библии жизнь Давида. Он и Ионафан любили друг друга, как мои Селим и Сангир, а ими я буду любим и на небесах, ибо сам люблю их! Были когда-то на свете благородные друзья! — и я искал вечной дружбы... Но на небесах мне встретятся благородные сердца! Жаль, что милую мне строфу в моем Селиме и Сангире я должен признать лживой:

Сангир любил Селима нежно,
Как ты меня, мой Шарфенштейн,
Селим любил Сангира нежно,
Как я тебя, мой Шарфенштейн.

Шиллер.

2. ХРИСТОФИНЕ ШИЛЛЕР

Штутгарт, 19 июня 1780 г.

Дорогая сестрица!

Я уже часто выслушивал упреки за свое молчание; но на сей раз я их не заслужил, моя милая. Правда, ты ведь тогда еще не знала, что безвременная кончина младшего сына капитана фон Ховена отняла у меня дорогого, любимого друга. Теперь ты поймешь, до чего мало оставалось у меня времени для писем, ведь я по-

стоянно находился у одра умирающего — как медик и, еще больше, — как участливый друг. Однажды я бодрствовал подле него ночь напролет вместе с его братом и несчастной матерью. Понятно, что мне в те дни было не до писем.

О дорогая моя, с каким трудом освободился я от впечатлений смерти и человеческого страдания. Ведь очень печально, милая сестра, видеть, как умирает молодой человек, умный, добрый, полный надежд. Я был очень привязан к покойному — славному, благородному юноше. Ты знавала его в Людвигсбурге необузданным, легкомысленным, грубоватым, но за девять лет, проведенных в академии, в особенности же за два последних года, он очень изменился к лучшему, превратившись в тонко чувствующего, впечатлительного, нежного и умного юношу. Я смело могу тебе сказать, что с радостью положил бы за него жизнь. Он был очень дорог мне, а жизнь была и осталась для меня тяжким бременем.

Добрая моя сестра, что выстрадало бы твое чувствительное сердце и сердце моей нежной матери, что, господи, выстрадал бы мой почтенный, милый отец, возложивший на меня столько надежд, — больше, чем я когда-нибудь смогу осуществить, — окажись я, единственный сын и брат, на месте моего друга. А ведь могло быть, а может и будет, что и вам не придется радоваться моему выходу из академии, что я — видишь, я не решаюсь выговорить перед тобой эти слова, но ведь все может стать — кому дано заглянуть в тайные книги судеб... Для меня это было бы желательным, тысячекратно желательным исходом. Я больше не радуюсь жизни, и я почитал бы себя счастливым *безвременно* расстаться с нею. Прошу тебя, сестра, если так случится, будь умницей, утешься и утешь своих родителей.

Я написал отцу почившего благородного юноши, и ответ его очень польстил мне. Он готов считать меня своим вторым сыном, готов быть моим другом, моим отцом. Сестра, ты поймешь, как это растрогало меня. Мне посчастливилось, одному из многих тысяч (незаслуженное счастье!), иметь *наилучшего отца*, и вот находится другой, тоже превосходный человек, кото-

рый называет меня сыном. В академии у меня много друзей, очень меня любящих. У меня есть ты, моя дорогая, и все же это не поселяет хоть сколько-нибудь прочной радости в моей душе. Ты не знаешь, в какой мере я внутренне изменился, как я опустошен. Да ты никогда и не должна узнать, что подрывает силы моего духа.

Прилагаю рисунки. Прости, что не послал их раньше. Друг, который дал мне их, недавно вернулся из Гогенгейма и должен был еще заняться их подборкой. Прилагаю также книгу покойного военного пастора Гауса. Если хочешь, оставь ее себе.

Белье пришли поскорее. Башмаки тоже.

Попроси милого папу прислать мне стопу бумаги и несколько перьев.

Напомни милой маме о чулках и попроси ее сделать мне рубашку без манжет — ночную. Можно из грубого холста.

Будь здорова, моя дорогая. Веселись, как истая крестьянка. Деревенская жизнь пойдет тебе на пользу и развлечет тебя.

Это письмо не показывай нашим милым родителям — ты знаешь, почему, — мне не хочется их огорчать.

Еще раз будь здорова и продолжай любить твоего брата, почитающего себя счастливым оттого, что он может называться твоим.

И. Х. Ф. Шиллер.

3. ВИЛЬГЕЛЬМУ ПЕТЕРСЕНУ

[Штутгарт, весна 1781 г.]

Любезный друг, для того чтобы ты понял, как важно мне выпустить в свет мою трагедию, и для того чтобы ты тем решительнее, в случае твоего согласия, — а я на него надеюсь, — этому поспособствовал, я еще раз письменно напомню все, что тебе уже говорил Ховен, по части искусства убеждать не уступающий Францу.